

ПОПЫТКА СОЗЫВА ЗЕМСКОГО СОБОРА И ПАДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА Н. П. ИГНАТЬЕВА

П. А. ЗАЙОНЧОВСКИЙ

Революционная ситуация, сложившаяся в России в конце 70-х годов, не переросла в революцию и даже не привела к установлению в стране конституционной монархии, ибо в тот период не было силы, способной на серьезную борьбу с колебавшимся правительством. «...Революционеры,— писал В. И. Ленин,— исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами»¹.

Это обстоятельство определило победу реакции и издание манифеста 29 апреля 1881 г. об укреплении самодержавия, который знаменовал собою установление нового правительственного курса. являвшегося, по образному выражению Д. А. Милютина, «реакцией под маской народности и православия».

Однако, опасаясь революционного взрыва, правительство не чувствовало себя уверенным и действовало весьма осторожно. «...Правительство Александра III,— указывал В. И. Ленин,— даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурочить „общество“»². Отвергнув «конституционные» проекты Лорис-Меликова, оно продолжало заигрывать с «обществом», щедро расточая всякие демагогические посулы, призванные прикрыть переход к реакции. Вместе с тем правительству пришлось осуществить ряд реформ экономического характера (понижение выкупных платежей, введение обязательного выкупа), обусловленных боязнью крестьянского восстания и требованиями экономического развития страны.

Осуществлял этот переходный правительственный курс министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев. Тесно связанный с кругами московских славянофилов, по образу мыслей Игнатьев был человеком весьма консервативным. Видный дипломат в прошлом, демагог и лжец в прошлом и настоящем³, Игнатьев вполне соответствовал той роли, которая на него возлагалась. «Кому в России,— писал в своих воспоминаниях начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов,— не известна была печальная черта его характера, а именно — необузданная, какая-то ненасытная наклонность ко лжи. Он лгал вследствие потребности своей природы... Это был ловкий Фигаро, мастер на всякого рода интриги и неразборчивый на средства»⁴. Игнатьев оказался очень подходящей фигурой для прикрытия перехода правительства на путь откровенной реакции.

Уволенный с должности посла в Турции весной 1878 г. «по расстроенному здоровью», Игнатьев в последние годы царствования Александра II занимал довольно скромный пост нижегородского генерал-губернатора, учреждаемый на период ярмарки. В первые же дни нового царствования он снова занял видное положение, будучи назначен 24 марта 1881 г. на пост министра государственных имуществ. Причина столь быстрой карьеры была в том, что Игнатьев сразу же после убийства Александра II сблизился с Победоносцевым, оказывавшим в этот период огромное влияние на молодого царя.

В фонде Игнатьева имеется его записка от 12 марта 1881 г.⁵, пред-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 40.

² Там же, стр. 41—42.

³ Об этом говорили все современники.

⁴ Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, Л., 1929, стр. 199.

⁵ ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, д. 1437, лл. 1—6.

лагающая программу правительственной деятельности, весьма созвучную взглядам Победоносцева и Александра III. «Все сознают,— пишет Игнатъев,— важность настоящей минуты: первые шаги нового царствования, столь необычно начавшегося, имеют решающее нравственное значение... Настоящее положение нестерпимо; из него должен быть найден выход». И тут же он говорит, что «нежелательны реформы или изменения, которые могут быть истолкованы как уступки или мера, принятая под впечатлением мученической кончины царя освободителя». По мнению Игнатъева, необходимо прежде всего обеспечить безопасность царской фамилии: «Самое значение правительства следует утвердить на народной, нравственной основе соответственным выбором людей и несомненным направлением их деятельности», для чего необходимы крайняя бережливость в расходах и, помимо намеченных совещаний с земскими людьми по вопросу финансовых и административных преобразований, «надлежало бы спросить мнение земли по самому настоящему и общественному вопросу: есть полное основание предполагать, что касательно борьбы с крамолой земские люди, правильно спрошенные, отзовутся более решительным образом, чем это делали прежние советники царя...».

Игнатъев предлагал организовать «борьбу с крамолой» на широкой «народной» основе, путем всемерного поощрения различного рода доносов и разветвленной слежки. Об этом прямо говорилось в конце цитируемой записки: «Большинство спокойного населения уклоняется от всяких сношений с полицией и от сообщения о готовящихся преступлениях или опасных личностях. Необходимо,— продолжал Игнатъев,— воспользоваться настоящей минутой всеобщего негодования, чтобы изменить этот неудобный и опасный взгляд общества. Очевидно, что для исправления настоящего опасного положения нужно изменить соответственным образом закон о доносителях... Следует предоставить широкую возможность сообщать необходимые данные без вызова к следствию и суду. Еще большую пользу для дела нужно ожидать от проявляющегося стремления общества самому содействовать охранению порядка... живым участием самих жителей через выборных старост и сторожей в охране порядка и наблюдении за проживающими в известном околке». Таким образом, Игнатъев рекомендовал создать огромную армию доносчиков и провокаторов.

Однако суть программы Игнатъева заключалась не в этом. Деятельность правительства, по его мнению, могла быть успешной лишь в том случае, если бы ему удалось освободиться от некоторых явлений общественной жизни, стигнувших «лучшие начинания» царствования Александра II. «В Петербурге,— писал Игнатъев,— существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел. Отдельными своими частями эта группа соприкасается и с развившимся расхищением казны и с крамолой... Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы, ловко сохраняя свое нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права полякам и евреям, представительные учреждения на западный образец. Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что нужно слушать только «интеллигентный» класс, и что русские требования следует отвергнуть как отсталые и непророщенные».

Эта реакционно-шовинистическая концепция, противопоставляющая «исконно русские» патриархальные начала, зиждущиеся на феодально-крепостнической основе, буржуазным формам общественной жизни,

импонировала воззрениям молодого царя и его идейного руководителя Победоносцева.

В качестве ближайшей практической меры Игнатьев рекомендовал царю переехать временно в Москву или ее окрестности и там созвать Редакционные комиссии для составления законоположений, касающихся местных учреждений, а также обсуждения ряда финансовых мер. «Начало царствования в Москве,— писал он,— под охраной преданного народа, при живой работе с земскими людьми, оставит неизгладимый след на все начинающееся царствование».

Анализируя содержание этой записки в целом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, вся записка, проникнутая реакционно-шовинистическим духом, направленная против лорис-меликовского курса, полностью соответствовала взглядам консервативной правительственной группировки, возглавлявшейся Победоносцевым. Во-вторых, в записке не трудно обнаружить славянофильские идеи круга Аксакова, призывавшие к возрождению старинных форм общения царя с «землей» в виде подобия земских соборов⁶.

Возникает вопрос, с какой целью писал Игнатьев рассмотренную записку? Нам представляется бесспорным, что она предназначалась для молодого императора. Мы не располагаем доказательствами, которые подтверждали бы, что эту записку читал Александр III, однако косвенные свидетельства того, что царь был осведомлен о взглядах Игнатьева, имеются. Так, в дневнике П. Л. Валуева, в записи за 21 апреля 1881 г., содержится следующая фраза: «Государь сказал о графе Игнатьеве, что хорошо, что он у дел, потому что «настоящий коренной русский»»⁷. Едва ли эту фразу надо понимать лишь в буквальном смысле. Только знакомство Александра III со взглядами Игнатьева, по-видимому, претерпевшими в течение марта известные изменения, обеспечили последнему столь быструю карьеру — назначение в начале мая 1881 г. на пост министра внутренних дел.

Мы не останавливаемся на общей характеристике политики Игнатьева, так как она широко известна. Напомним лишь, что эта политика, представлявшая собою «политику кнута и пряника» (значительно больше, впрочем, кнута, чем пряника), оценивалась Александром III весьма положительно. Так, на всеподданнейшем докладе Игнатьева от 22 декабря 1881 г., характеризовавшем деятельность Министерства за восемь месяцев и намечавшем дальнейшую программу действий, царем была наложена следующая резолюция: «Если это не программа правительства, то я уже решительно не понимаю, чего желать большего. Главное не смущаться, а идти правительству дружно и прямо по положенному пути в последние месяцы»⁸.

⁶ Эта же мысль о созыве «земских людей» содержится и в другой записке Игнатьева «Ближайшие задачи наступающего царствования», относящейся также к марту 1881 г. и переданной автором Лорис-Меликову. В ней Игнатьев писал: «Теперь, казалось бы, самая удобная минута призвать к содействию правительству земских людей и предложить им на предварительное обсуждение все те проекты реформ, которые ждет с таким нетерпением вся Россия. Вопросу минуты — вопросу борьбы с крамолой, советы земских людей, конечно, оказались бы в высшей степени полезными и, смею думать, что в тот день, когда государь увидел бы себя окруженным этими новыми, но зато самыми естественными, советниками, он бы лучше, чем когда-либо сознал, что между крамолой и людьми русской земли нет ничего общего» (ЦИАМ, ф. 730, д. 1492, л. 6).

Сама по себе идея созыва земского собора не являлась реакционной. Все зависело от того содержания, которое вкладывалось в это понятие. Требование земского собора революционно-демократическим лагерем означало созыв учредительного собрания. Для либералов это понятие было идентично представительному учреждению западноевропейского типа. Для славянофилов же в пореформенный период оно означало воплощение реакционной идеи единения царя с народом, являясь надежным средством укрепления самодержавия и предотвращения революционной опасности.

⁷ П. Л. Валуев. Дневник 1877—1884, Пг., 1919, стр. 161.

⁸ ЦИАМ, ф. 730, д. 1455, л. 1.

Однако эти идиллические отношения между царем и его министром весной 1882 г. были нарушены, и в конце мая этого года Игнатъев был уволен в отставку. Причина этого, как известно, заключалась в попытке министра внутренних дел организовать созыв земского собора, приурочив его к коронации. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Как рассказывает Игнатъев в своих «Воспоминаниях», впервые разговоры о земском соборе он вел с Александром III в 1876 г., когда тот был наследником, а Игнатъев, как посол в Турции, вызывался Александром II для переговоров. Далее Игнатъев сообщает, что разговор на эту тему был возобновлен с молодым царем в начале марта 1882 г., когда выяснилось, что коронация, ввиду беременности императрицы, откладывается до весны 1883 г.: «...я напомнил его величеству мои беседы с ним о земских соборах и сказал, что самое благоприятное время для возобновления исторического предания — день коронации... Государю эта мысль как-будто улыбнулась, и я, с соизволения его величества, принялся за составление проекта манифеста, обдумывая все подробности осуществления этого великого исторического подвига. При последующих еженедельных докладах моих мы часто возвращались к беседе о соборах и государь относился к этому благосклонно и даже сочувственно»⁹.

Нам не известно содержание этих разговоров, но аргументы, выдвигавшиеся Игнатъевым во время его беседы с царем в пользу необходимости созыва земского собора, в какой-то степени можно восстановить по его записке, посвященной этому вопросу. В начале записки¹⁰ Игнатъев указывает, что Россия находится «на перепутье» и дальнейшее развитие ее государственной жизни возможно тремя путями. Первый — путь усиления репрессий, который, по мнению автора записки, не приведет к положительным результатам. «Более сильное проявление административных мер, большее стеснение печати и развитие полицейских приемов,— писал Игнатъев,— заставят только недовольство уйти глубже, а это в конце концов приведет к необходимости пойти на уступки «общественным требованиям». Второй путь — путь уступок — также неприемлем. «Путь уступок, каким бы образом они ни были обусловлены... будет всегда роковым. В какой бы форме уступки не были сделаны, нет сомнения, что каждый новый шаг, ослабляя правительство, будет самою силой вещей вынуждать последующие уступки», в результате чего преобладающее влияние в общественной жизни страны займет интеллигенция. «Русская «интеллигенция», — писал Игнатъев, — вмещает в себе всего более опасных, неустойчивых элементов, а потому представляется несомненным, что ее участие в делах скорее приведет к ограничению самодержавия, что для России, несомненно, станет источником вечной смуты и беспорядков». Таким образом, резюмирует Игнатъев, оба эти пути губительны для России.

По мнению автора записки, единственно правильный, «спасительный» путь — это возвращение к старине, к «исторической форме общения самодержавия с землею — земским собором». Отмечая, что самодержавие является свойственной России формой правления, Игнатъев указывал, что «нельзя и... закрывать глаза на несовершенство того вида, который довел нас до настоящего положения». Это несовершенство заключалось, как он считал, в оторванности царя от народа вследствие преграды, установленной между ними чиновничеством, благодаря чему царь и не может знать правды. «Не уступая ничего из своей власти, самодержец, созывая собор, найдет верное средство узнать истинные нужды страны и действия собственных слуг... Когда царь и земля войдут в непосредственное общение,— писал Игнатъев,— отпадут все недоразумения и опасения».

⁹ ИГИАМ, ф. 730, д. 161, л. 7.

¹⁰ Там же, д. 1527, лл. 1—7.

Таково содержание записки о земском соборе, положения которой, по-видимому, и развивал Игнатъев в своих беседах с Александром III.

Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» Игнатъев, 30 марта он составил проект манифеста и 12 апреля представил его царю. Александр III одобрил текст проекта «и даже тронут был при чтении. Государь меня благодарил,— вспоминал Игнатъев,— сказав, что в изложении манифеста я отгадал его мысли и выразил как раз то, что ему хотелось бы сказать созванным на собор»¹¹. Во время этого разговора шла речь о числе представителей на соборе, которое определялось Игнатъевым в 3 тыс. человек, и о помещении, где должен был заседать собор¹².

Таким образом, судя по «Воспоминаниям» Игнатъева, можно предположить, что он совершенно самостоятельно, без какого бы то ни было влияния со стороны, разработал конкретный план созыва земского собора, не говоря уже о том, что мысль о созыве собора в 1883 г. принадлежала ему лично.

В действительности дело обстояло далеко не так. В фонде Игнатъева сохранилось письмо к нему И. С. Аксакова от 10 января 1882 г., в начале которого автор писал: «Моя искренняя вера в Вас, как единственного человека, который ...является представителем национального исторического направления, побуждает меня просить Вас... нет, не просить, а настаивать, чтобы Вы прочли со вниманием мое письмо и улучили бы час-два времени для конфиденциальной беседы с подателем сего Павлом Дмитриевичем Голохвастовым». Далее Аксаков, характеризуя настроения умов, указывал на существующую опасность стремления всех политических течений к конституции, но «дать конституцию царь не может: это было бы изменой народу, предательством», это привело бы к гибели России. «Однако,— писал Аксаков,— есть выход из положения, способный посрамить все конституции в мире, нечто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на ее исторической, политической и национальной основе. Этот выход — земский собор с прямыми выборами от сословий: крестьян, землевладельцев, купцов, духовенства. Теперь представляется к этому повод — коронация. Присутствие тысячи выборных от крестьян заставят без всякого иного понуждения смолкнуть всякие конституционные вождедения и послужат лишь к всенародному пред всем светом утверждению самодержавной власти в настоящем народном историческом смысле. Как воск от огня,— восклицал Аксаков,— растают от лица народного все иностранные, либеральные, аристократические, нигилистические и тому подобные замысления».

Охарактеризовав значение собора, Аксаков переходит к практическим вопросам его организации. «Но что такое земский собор? Как его устроить? Вот для этого и посылаю к Вам П. Д. Голохвастова, уже 15 лет лелеющего в себе эту мысль и разработавшего ее во всех подробностях, которые им изложены даже письменно»¹³.

Таким образом, мысль о созыве земского собора в период коронации была внушена Игнатъеву Аксаковым, а план созыва намечен Аксаковым с Голохвастовым. Игнатъев в значительной степени являлся рупором славянофильских идей, которые он пытался использовать в своих личных интересах. Это становится ясным из переписки Аксакова и Голохвастова¹⁴, назначенного Игнатъевым чиновником особых поручений при министре, а фактически ставшего консультантом по делам земского собора.

Обратимся к рассмотрению планов созыва собора, которые наиболее конкретно изложены в черновых записках Игнатъева¹⁵. В одной из

¹¹ ЦГИАМ, ф. 730, д. 161, л. 7.

¹² По мнению автора проекта, это должно было происходить в Москве, во вновь построенном, но еще не освященном храме Христа спасителя.

¹³ ЦГИАМ, ф. 730, д. 2258, лл. 15—17.

¹⁴ Эта переписка была опубликована с купюрами в «Русском архиве» за 1913 г. (кн. I—IV).

¹⁵ ЦГИАМ, ф. 730, д. 1533, лл. 1—15.

них Игнатъев подробно, в аксаковском духе, развивает мысль о том, что манифест о созыве собора приостановит революционное движение, а созыв его вовсе пресечет нигилизм. «Задачи собора,— пишет он,— двояки: а) выяснить у земских представителей их настроения, «мысли», б) передать через представителей на соборе народу свою царскую волю, сообщить свое государево слово всей земле...». Однако на соборе наиболее важное значение, по мнению Игнатьева, должна иметь вторая задача. Особенно подробно он останавливается на вопросе о системе выборов и в первую очередь о том, как обеспечить представительство крестьян на соборе таким образом, «чтобы крестьянские выборные могли, возвратясь с собора в свои округа, передать там все и каждому, что сами от самого царя слышали: про нерушимость во всем власти самодержавной, про неотъемлемость земли, как общинной от крестьян, так и господской, или чьей бы то ни было» и пр., и т. п.

Игнатъев предлагал делегировать от крестьян на собор не земских гласных, избранных по 3-й крестьянской курии, так как не все гласные являлись крестьянами, а если и были таковыми, то преимущественно кулаками и кабатчиками, а провести выборы от крестьян «нарочито на собор... прямо от крестьян всеми большаками и обязательно из самих выборщиков, пожалуй, даже из наличных...». Избирательный округ должен был определяться не административной единицей — волостью, не числом избирателей, а территорией, имея в виду, что радиус крестьянских связей, «на котором лучших людей все, хоть по наслышке, довольно знают, верст 20, т. е. длинника и перечника по 40, квадратных 1600 верст». На севере или в степных районах, где крестьяне привыкли к большим расстояниям, избирательный округ устанавливался в 3600 кв. верст. Исходя из этого расчета, Игнатъев определял число представителей от крестьян (от 47 внутренних губерний Европейской России, не считая Польши, Финляндии и Прибалтики) не более 2000 человек.

Второй группой представителей должны были явиться личные землевладельцы-дворяне по одному или по два от уезда, что составляло бы для 47 внутренних губерний 475 или 950 человек. Впрочем, тут же автор записки полагает возможным ограничиться тремя от губернии, что составило бы 141 человека. «Маловато, положим, против 2000 крестьян,— рассуждает Игнатъев,— но, ведь, где не большинство решает, там число не причем. Какие бы то ни были дела собора, 140 землевладельцев за глаза, и от лишних 800 проку будет мало, а тесноты много больше». Высказавшись столь решительно за ограничение дворянских представителей тремя от губернии, Игнатъев в конце концов все же склоняется к выборам от уезда полагая, что, избранные от уезда будут более консервативны. «В чаду политической атмосферы губернского города,— заключает он,— земство изберет не в собор, а *états généraux*».

Выборы от уездных землевладельцев должны были производиться таким же путем, как и в уездные земские собрания. Требуемый же для выборов в земство земельный ценз автор записки предлагал уничтожить, считая, что помещики, живущие в деревне, да к тому мелкопоместные, представляют собою элемент консервативный, лишенный каких-либо конституционных стремлений.

Третьей группой представителей должны были быть купцы, избираемые от всех гильдий сообща. Следовательно, представителями городского населения являлись бы только купцы. «Но почему же призывать не вообще от горожан, а исключительно от купцов,— вопрошает Игнатъев. — На это две причины: одна про себя, другая про всех. Про себя то, что из горожан одно купечество благонадежно. Про всех же то, что как бы широко ни понимать слово земщина, исконно городские — одни торговцы. Торговые интересы общерусские и в этом смысле земские. Остальные горожане разночинцы. Их интересы как людей какие угодно, но как горожан местно-городские...».

Таким образом, земский собор должен был состоять из представителей трех сословий: крестьян, дворян и купцов, избранных на основе прямых выборов.

Остановимся на вопросе о выборах представителей от Сибири, Польши, Финляндии и других окраин. Этот вопрос решался в записке альтернативно: «почему же не призвать на собор от Сибири, от Польши и прочих окраин?», — задает вопрос Игнатъев. — От Сибири потому, что далеко, а хорошо бы, если время позволит. Но так как там нет опасности народного восстания... то нет и надобности призывать оттуда в таком количестве». Далее говорится, что неплохо было бы призвать на собор представителей от Польши, Финляндии, прибалтийских губерний. «Отовсюду», — заключает автор записки, — немногих, конечно, и непременно крестьян в большем числе и особыми от прочих выборами».

В заключение Игнатъев еще раз говорит о невозможности избрания на собор представителей от земств и городов: «Призывать же от нынешних земских и городских, с конституционной Европы перенятых, на представительство основанных местных говорилень: выйдет центральная говорильня, вроде европейских, да еще велик бог, коль только говорильня».

Рассмотренная выше записка дает полное основание утверждать, что созыв земского собора мыслился Игнатьевым лишь в демагогических целях демонстрации «единения царя с народом», что должно было способствовать укреплению в крестьянстве веры в царя. Если в абстрактных рассуждениях Игнатьева о земских соборах вообще основная задача их усматривалась в реакционно-утопической идее установления непосредственной связи царя с народом, то цель собора 1883 г. была более конкретной, представляя собой простой демагогический трюк¹⁶.

Обратимся к другому черновому наброску Игнатьева о составе земского собора, детализирующему рассмотренные выше положения¹⁷. В начале наброска говорится о принципах созыва собора: «Земский собор собирается бесспорно по призыву государеву, когда и для каких дел государю угодно... Просить о созыве собора имеют право земские самоуправления не ниже уездных и городские». Далее излагается следующий подробный расчет созыва представителей на собор:

1) Крестьян

а) от уездов Европейской России (без прибалтийских губерний, Финляндии и Польши)

от 277 уездов	по 2 —	554 ¹⁸
от 109 »	по 3 —	327
от 35 »	по 4 —	140
от 29 »	по 5 —	145
от 18 »	по 6 —	108
от 8 »	по 7 —	56

Итого от 476 уездов Европейской России — 1330 крестьян (без окраин)

б) от 14 уездов прибалтийских губерний	по 1 крестьянину	14
в) от 85 уездов Царства Польского	по 1 крестьянину	85
г) от 44 уездов Финляндии	по 1 крестьянину	44
д) от 65 уездов Кавказа	по 1 крестьянину	65
е) от 49 уездов Сибири и Туркменистана		412

Итого крестьян 1950

¹⁶ Текстологический анализ записки Игнатьева говорит о том, что она представляет собою рассуждение по поводу какого-то проекта созыва собора, дополненного и измененного автором записки. Так, в разделе о выборах землевладельцев имеется следующая фраза: «Поправка моя вот в чем», и далее приводятся соображения по поводу нецелесообразности установления земельного ценза. В разделе о выборах купцов говорится: «Про купеческие выборы не имею замечаний» (ЦГИАМ, ф. 730, д. 1533, лл. 8, 13). По нашему мнению, бесспорно, что проект, рассматриваемый и дополняемый Игнатьевым, принадлежал Голохвастову.

¹⁷ ЦГИАМ, ф. 730, д. 1533, лл. 50—52.

¹⁸ В рукописи ошибочно «454».

Прочих сословий

а) от 476 уездов 47 губерний Европейской России (без окраин) по 2 землевладельца	952
б) от тех же губерний губернских предводителей дворянства	47
в) от тех же губернских городов и 20 уездных, имеющих более 25 тыс. городских жителей	67
г) специальных выборных от столиц по 3 и от 12 лучших городов по одному	18
д) купеческих, мещанских, ремесленных старшин Москвы, Петербурга, Одессы, Риги, Варшавы, Гельсингфорса	18
е) от 3 прибалтийских губерний, 10 — Парства Польского и 8 — губерний Финляндии, итого от 21 губернии по 1 представителю землевладельческого, по 1 представителю торгового сословия, т. е. по 2 человека от губернии	42
ж) от 12 кавказских и 13 губерний Сибири и Туркестана, т. е. от 25 по 2 представителя землевладельцев, по 2 торгового сословия, т. е. по 4 человека от губернии	100

Всего прочих сословий 1243

Кроме того, предполагалось пригласить несколько сот человек «высших сановников церкви и православия». Таким образом, общее число представителей должно было составлять около 3500 человек¹⁹.

В другом черновом наброске²⁰ общее число представителей увеличивается до 4000 человек, главным образом за счет крестьян внутренних губерний, а также небольшого увеличения сословных представителей от губернских городов.

Анализируя эти расчеты, мы видим, что они полностью подтверждают и детализируют положения, развивавшиеся в рассмотренной выше записке Игнатьева. Свыше 50% (а по второму варианту свыше 60%) представителей собора должны были составлять крестьяне. Процент представительства из национальных районов был значительно ниже.

Дабы продемонстрировать единение с царем всех народов России и избежать каких-либо оппозиционных выступлений, Игнатьев считал необходимым соответствующим образом рассадить представителей тех или иных национальностей. «Ввиду многочисленности присутствующих и для сохранения порядка, а также для предупреждения нежелательных проявлений со стороны поляков, финляндцев или наших либералов,— писал он в своих «Воспоминаниях»,— ...я полагал разместить членов на тридцати столах, так что в каждом было бы не более как около ста человек, что доставило бы возможность выбранному председателю легко справиться с ходом обсуждения и руководить им... Распределение по столам было мною обдуманно и соображено с целью оградить исключительно русские интересы и подготовить благополучное окончание соборных совещаний. Финляндцы были распределены на трех столах, а поляки — на четырех — между чисто русскими людьми»²¹. Так должно было осуществляться на практике «единение всех народов России с ее самодержцем».

По мнению Игнатьева, повестка дня собора должна была быть наметена Кахановской комиссией, т. е. касаться реформы местного управления²². Однако никакого делового обсуждения на соборе не предполагалось. «На случай, что собор стал бы затягиваться и не доставил окончательного решения по предложенным вопросам,— пишет в «Воспоминаниях» Игнатьев,— предполагалось, что его величество повелит на

¹⁹ Вместо «3400» вследствие указанной выше ошибки в подсчете.

²⁰ ЦГИАМ, ф. 730, д. 1533, лл. 70—71.

²¹ Там же, д. 161, л. 7.

²² Там же, д. 1533, л. 29.

последнем общем заседании... избрать комиссию из не более как тридцати или сорока человек, которая будет разрабатывать указанные государем вопросы в Петербурге, при Государственном Совете, куда предложения комиссии и должны поступать для окончательного обсуждения прежде представления его величеству на утверждение... Таким образом,— резюмирует он,— сложилась бы, без потрясения устоев, русская самобытная конституция, которой позавидовали бы в Европе и которая заставила бы умолкнуть наших псевдо-либералов и нигилистов»²³.

Итак, 12 апреля 1882 г., по заверению Игнатъева, Александром III был в общих чертах одобрен проект манифеста о земском соборе. 15 апреля, после доклада, Александр III сказал Игнатъеву, что «он внимательно прочел манифест» и «находит его прекрасным»²⁴, но просит несколько сократить и представить к следующему докладу как новую редакцию, так и проект специального рескрипта на имя министра внутренних дел, являющегося инструкцией по вопросу о выборах. Все это было представлено Игнатъевым царю 20 апреля и, как он утверждает, одобрено. По мысли министра внутренних дел, опубликование манифеста должно было быть приурочено к 6 мая, т. е. к 200-летию юбилею со дня последнего земского собора — 6 мая 1682 г. Однако в действительности дело шло не так гладко. Как писал Голохвастов Аксакову 29 апреля, «государь все еще не говорит ни да ни нет. Игнатъев все еще почти уверен (всегдашнее слово его об этом), что к 6-му манифест будет подписан»²⁵.

Игнатъев пытался привлечь на свою сторону императрицу, имевшую большое влияние на своего недалекого супруга. «Он (т. е. Игнатъев. — П. З.), — писал в этом же письме Голохвастов, — вчера был в Гатчине и совершенно будто бы (по словам Воейкова) убедил государыню, что Варфоломей Коченев²⁶... и Катков врут, что их происки против З. собора (Любимов, говорят, писал государю) глупы и даже недоброкачественны; что от собора она Марией Антуанеттой не будет». Далее Голохвастов сообщал, что Игнатъев несколько дней тому назад, по-видимому, готовясь к беседе с Марией Федоровной, консультировался у него по вопросам французской революции и, в частности, о Национальном собрании «и кое-что кратко записывал на бумажку». Здесь же Голохвастов сообщал об истинных стремлениях поборника земского собора. «Да, цель Игнатъева, — писал он, — премьерство. Узнал я это так: он заказал Воейкову записку о Земск[ом] соборе, что это совсем не конституция и т. д., а вывод; что перед лицом З[емского] собора необходимо единачальное министерство, а не как теперь: кто в лес, кто по дрова». Записку было поручено составить одному из чиновников особых поручений кн. Шаховскому, который, не будучи в состоянии справиться с этим, принужден был обратиться для консультации к Голохвастову. «Я научил, сколько было для дела надобно, а про министерство будущего Биконсфильда зарубил себе на носу... И этот же Игнатъев, — восклицает Голохвастов, — при мне намерен плакать, растроганный моими речами о Земском соборе». По словам Голохвастова, Игнатъев предполагал создать земско-соборную канцелярию при министре внутренних дел, сделав правителем ее весьма реакционного деятеля — Д. Ф. Самарина²⁷.

Черновые проекты манифеста, а также рескрипта, первоначально были составлены Голохвастовым и подправлены в канцелярии Министерства. Интересно отметить, что Игнатъев попросил Голохвастова написать про-

²³ ЦГИАМ, ф. 730, д. 161, л. 7. Заседание собора должно было продолжаться, как утверждает Игнатъев, не более трех недель.

²⁴ Там же, л. 8.

²⁵ ИРЛИ (Пушкинский дом), № 11056, XVII, стр. 17.

²⁶ Псевдоним проф. Любимова, ближайшего сотрудника Каткова.

²⁷ ИРЛИ (Пушкинский дом), № 11056, XVII, стр. 17.

ект устава собора, на что последний ответил решительным отказом. «Устав,— заявил он,— дело конституционное, ведущее к всяким препирательствам о параграфах, вместо совещания в делах. Соборный устав — вот вам, и написал: быть 3[емскому] собору по старине на всей воле государевой»²⁸. Таким, образом, для славянофилов было неприемлемо все, что сколько-нибудь, хотя бы отдаленно напоминало конституцию. Это достаточно ярко характеризует их реакционные позиции.

Рассмотрим проект манифеста, подготовленный к 6 мая. «Моля бога, да укажет нам стези правды, и помянув дни древние и поучась примерами великих предков наших царей, всея Руси самодержцев,— говорилось в начале окончательно отредактированного проекта,— за благо распустили мы: Предстоящее торжество священного венчания и миропомазания нашего на царство совершить перед собором высших иерархов церкви православной, высших членов правительства, высших избранников дворянства и городов и нарочито выборных от земли»²⁹. Далее шла речь о созыве собора ко дню пасхи 1883 г., а также устанавливалась норма представительства, согласно рассмотренным выше расчетам. Нормы представительства для Сибири, Польши, Финляндии, прибалтийских губерний, областей Средней Азии, а также казачьих областей в манифесте не устанавливались. Это предоставлялось министру внутренних дел.

В это время Игнатьев усиленно готовился к опубликованию манифеста. Среди черновых набросков его о земском соборе мы находим заметку, относящуюся к 3 мая, т. е. кануну намеченного дня издания манифеста. Беспокоясь о том, как бы в иностранной печати созыв земского собора не был расценен как конституционный акт, он записывает: «Приготовить телеграммы в наши посольства или прямо иностранные редакции, дабы верно был назван Земский Собор с первого же раза. По-французски *Concil national*, *Conceil national* слабей, бесцветней, но лишь бы не успели обозвать революционно-историческим термином *assemblée nationale*. По-немецки *Landtag*, *Reichstag*, *Riechsrat* стали конституционными названиями. Остается *Volkstag*»³⁰.

Несмотря на то, что подготовка манифеста проводилась в глубокой тайне, вопрос этот получил огласку. Как рассказывает в своих воспоминаниях Е. М. Феоктистов, он узнал об этом от М. Н. Островского — министра государственных имуществ, которому в свою очередь поведал об этом еще в начале апреля И. Н. Дурново, только что назначенный товарищем министра внутренних дел³¹. Если вначале Игнатьев никого, кроме Голохвастова, не посвящал в свои планы, то в апреле вся канцелярия министра внутренних дел была в курсе дела. Не только правитель канцелярии Воейков, но и ряд других лиц были привлечены к работе по составлению и редактированию различного рода записок, относящихся к предполагаемому созыву собора.

В первых числах мая Игнатьев, как рассказывает Голохвастов, пытался привлечь в союзники созыва земского собора министра императорского двора гр. Воронцова-Дашкова, но первоначально потерпел фиаско. Министр двора очень сухо отнесся к этой затее. Правда, через несколько дней он изменил свою позицию. Об этом подробно рассказывает Голохвастов Аксакову в письме от 6 мая. Он пишет, что четвертого утром в Министерство к Воейкову явился некий Фадеев, поведавший ему «великую тайну». Фадеев сказал, что «на Воронцова со всех сторон налегают, чтобы он противодействовал собору: но Воронцов, де,

²⁸ Там же. Письмо от 29 апреля 1882 г.

²⁹ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Письма и записки, т. 1, полутом 1, М.—Л., 1923, стр. 261.

³⁰ ЦГИАМ, ф. 730, д. 1533, л. 29.

³¹ Е. М. Феоктистов. Указ. соч., стр. 204—211.

вчера сказал, что он будет за собор, но только за настоящий, о каком он постоянно думает с осени (т. е. со свидания со мной 8 сентября). Фадеев же указал и на предлог (преобразование Священной дружины), по которому Воронцов сегодня же, 4-го вечером, сам-друг с Боби Шуваловым может быть у Игнатьева, потом остаться с Игнатьевым одним. Так и исполнилось»³². Не все здесь, по-видимому, точно. Мы оставляем на совести Голохвастова уверения о влиянии, оказанном им на Воронцова, вследствие которого последний и продолжал «постоянно» думать о «настоящем» соборе. Важно здесь другое: переговоры Игнатьева с Воронцовым по вопросам земского собора и Священной дружины. По-видимому, соглашение состоялось, и министр внутренних дел дал свое согласие на сохранение Священной дружины при условии поддержки Воронцовым и его окружением идеи земского собора. Как утверждает Голохвастов³³, Игнатьев настоятельно, но безуспешно, домогался у царя приглашения Воронцова на совещание по вопросу о созыве собора.

О затее Игнатьева созвать земский собор вел разговоры со своими приближенными и Александр III, и в первую очередь со своим наставником Победоносцевым, которому и передал в начале мая проект манифеста. «3-го вечером государь телеграммой вызвал Победоносцева к полудню 4-го в Петергоф,— сообщает Голохвастов Аксакову. — Игнатьев тотчас узнал это через полицию. 3-го вечером написал Победоносцеву длинное письмо, прося у него свидания 4-го утром. Победоносцев ответил, что встает поздно и до утреннего поезда времени иметь не будет. Теперь он вернулся из Петергофа и, судя по времени, очевидно не хочет приехать к Игнатьеву»³⁴. Таким образом, четвертого Александр, вероятно, и передал проект манифеста Победоносцеву.

Этот проект произвел на Победоносцева впечатление разорвавшейся бомбы, и в тот же день он написал Александру III письмо, где говорил о тех ужасных последствиях, которые может иметь созыв земского собора. «Прочитав эти бумаги, я пришел в ужас при одной мысли о том, что могло бы последовать, когда бы предположение графа Игнатьева было приведено в исполнение... если воля и распоряжение перейдут от правительства на какое бы то ни было народное собрание—это будет революция, гибель правительства и гибель России»³⁵,—писал Победоносцев.

В этом же письме Победоносцев сообщал еще об одном источнике информации, при посредстве которого он узнал о подготовляющемся земском соборе. «Я узнал сегодня,—писал он,—что Аксаков прислал сюда, к гр. Игнатьеву, Голохвастова, издавна занимающегося историей земских соборов... Этот Голохвастов прибежал ко мне сегодня ночью в ужасе: услышав, что гр. Игнатьев пускает уже дело в ход теперь же и что на днях могут появиться акты, он испугался и в волнении обдумывал уже, как найти доступ к вашему величеству—умолять Вас остановить это дело»³⁶.

Так описывает визит Голохвастова Победоносцев. Голохвастов же освещает его иначе, пожалуй правдоподобнее. Как говорилось уже выше, 4-го вечером у Игнатьева в Министерстве были Воронцов-Дашков и Боби Шувалов. Голохвастов также был приглашен в Министерство и ожидал распоряжений у правителя канцелярии. В половине одиннадцатого Воейков был вызван к Игнатьеву, который передал через него

³² ИРЛИ (Пушкинский дом), № 11056, XVII, стр. 17. Письмо от 5 мая 1882 г.

³³ Там же. Письмо Голохвастова Аксакову от 9 мая 1882 г.

³⁴ ИРЛИ (Пушкинский дом), № 11056, XVII, стр. 17. Письмо Голохвастова Аксакову от 9 мая 1882 г.

³⁵ «Письма Победоносцева к Александру III», т. 1, М., 1925, стр. 379.

³⁶ Там же.

Голохвастову о необходимости ехать к Победоносцеву. Разговор с Победоносцевым излагается Голохвастовым так: «Победоносцев тотчас же принял меня, сказав с первого слова, что ему ни минуты времени нет говорить о чем бы то ни было, ни сегодня, ни завтра...—Надолго ли в Петербурге? —спросил Победоносцев.— Я тут уже около двух месяцев. Служу у Игнатьева чинов[ником] особ[ых] поруч[ений]. — А, так вот оно... Ну, слушайте же, Вы себе набили голову глупостями, такими же как и Аксаков. Сбиваете с толку таких пустомель и ветрогонов как Игнатьев; знаю о чем идет дело; слышать ни о чем не хочу (и зажал себе уши): собор та же конституция — пагуба России. Помолитесь богу, чтобы он вразумил Вас, киньте этого лгуна и вралю Игнатьева и уезжайте в воскресенье»³⁷.

Этот совет в отношении отъезда в воскресенье (дело происходило во вторник) Голохвастов воспринял отрицательно, после чего аудиенция быстро закончилась. На прощанье Победоносцев еще раз подтвердил, что собор ни теперь, ни позднее не будет созван. Этот рассказ, на наш взгляд, более соответствует истине, нежели факты, сообщаемые Победоносцевым. В самом деле какой смысл был Голохвастову бегать к Победоносцеву жаловаться на Игнатьева и просить приостановить созыв земского собора?

Узнав о позиции Победоносцева и колебаниях императора, Игнатьев начинает вербовать себе сторонников. Так, 5 мая, как свидетельствует Феоктистов, он явился к Островскому и рассказал о своих планах по поводу созыва земского собора. Островский высказал соображение, что это мероприятие может иметь неприятные последствия. На это Игнатьев сказал: «Да что же тут важного?...Поймите, что хочется только устроить как можно более пышную обстановку, это будет не более как декорация... Конечно, на соборе найдется немного болтунов, да к чему приведет их болтовня? Ведь тотчас после коронации все мы, правительственные лица, уедем в Петербург. Они останутся одни, поболтают и разойдутся»³⁸. Островский, не разделяв воззрений Игнатьева, довел на другой же день все это до сведения Победоносцева³⁹. Так информировал Островский своего друга Феоктистова.

В действительности же Островский занял более сложную позицию. Как сообщил Игнатьев Голохвастову, «он (Островский. — П. З.) всю душою будет за собор настоящий»⁴⁰. Вместе с тем он заявил, что если будет подписан манифест без обсуждения этого вопроса министрами, то он подаст в отставку.

Трудно сказать, действительно ли Островский был сторонником созыва собора при известных условиях или это был маневр, рассчитанный на то, чтобы выведать все у противной стороны.

После 6 мая и противники и сторонники собора начинают вербовать себе союзников. 8 мая Игнатьев представил царю записку, в которой доказывал, что созыв земского собора отнюдь нельзя рассматривать как уступку. «Для той части общества,— писал он,— которая считает необходимым для России обращение к политическим формам Западной Европы, созыв Земского собора не только не будет какой-либо уступкой, а, напротив, ясным доказательством, что верховная власть твердо намерена не ступать на этот ненадежный и ложный путь». Тут же Игнатьев подчеркивает, что участники собора «суть элементы охранительные, преданные существующему порядку... Отсутствие публичности заседаний и гласности ставят предполагаемый собор вне всяких опа-

³⁷ ИРЛИ (Пушкинский дом), № 11056, XVII, стр. 17.

³⁸ Е. М. Феоктистов. Указ. соч., стр. 208.

³⁹ См. «Письма Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 383.

⁴⁰ ИРЛИ (Пушкинский дом), № 11056, XVII, стр. 17. Письмо Голохвастова Аксакову от 9 мая 1882 г.

сений за его мирный и успешный исход»⁴¹. По-видимому, эта записка не оказала какого-либо влияния на Александра III⁴².

Если действия Игнатьева и его сторонников не имели реальных результатов, то противники его действовали более успешно. В «Воспоминаниях» Игнатьев рассказывает, что 10 мая Островский направил Феокистова в Москву к Каткову с информацией о планах Игнатьева по созыву собора. Катков действовал весьма оперативно и уже 12 мая в «Московских ведомостях» появилась передовая статья, в которой он писал: «Вообразим себе, что в настоящую минуту, при теперешнем положении дел и настроении умов, кто-либо из влиятельных лиц возымел бы мысль под каким бы то ни было предлогом созвать то, что эвфемистически называется «земским собором», якобы для поддержания власти в ее борьбе с крамолью, не была бы такая мысль, даже негласно в спорах власти сказанная, торжеством крамолы?»⁴³. Далее он утверждал, что это «сборище» ни к чему хорошему привести не сможет и что требование земского собора исходило всегда из революционного лагеря.

Обратился к помощи печати и Игнатьев. 14 мая в суворинском «Новом времени» появилась небольшая статья под заголовком «Пропущенный юбилей», инспирированная, по-видимому, Игнатьевым. Основная мысль этой статьи, посвященной 200-летию собора 1682 г., заключалась в том, чтобы доказать, что земские соборы ни в коем случае не означали какого-либо умаления царской власти.

Несмотря на существовавшее запрещение публиковать в печати статьи о земских соборах, полемика по этому вопросу разгорелась. 22 мая с передовой статьей против статьи Каткова выступила аксаковская газета «Русь». 23 мая вновь выступил по этому поводу Катков.

Таким образом, вопрос о созыве земского собора получил широкую огласку.

Поняв, что под влиянием Победоносцева — Каткова, Александр III всерьез воспротивился созыву собора, Игнатьев решил также отступить от своего плана, стремясь во что бы то ни стало избежать обсуждения этого вопроса на каком-либо совещании. «Я сам написал письмо государю, убеждая его не созывать совещания, и выждать личного моего доклада. Его величество возвратил мне тотчас письмо с надписью «хорошо»⁴⁴, — рассказывал Игнатьев в «Воспоминаниях». Однако давление Победоносцева было весьма сильным. О совещании Победоносцев, по словам Феокистова, лично говорил с Александром III, этому же он посвятил 25 мая специальное письмо царю, которое, по-видимому, и решило вопрос о совещании⁴⁵.

Совещание под председательством царя происходило днем 27 мая в Петергофе. На нем присутствовали председатель Комитета министров Рейтерн, министр государственных имуществ Островский, обер-прокурор св. Синода Победоносцев, министр народного просвещения Делянов и сам Игнатьев. Совещание открыл Александр III, заявивший, что необходимо окончательно и раз навсегда решить вопрос о земском соборе. После этого слово было предоставлено Игнатьеву. Как рассказывает Островский, Игнатьев стал уверять, что он отнюдь не представлял себе земский собор как постоянно действующий орган, а хотел «только

⁴¹ ЦГИАМ, ф. 730, д. 1528, лл. 5, 9.

⁴² В свои сторонники Игнатьев привлек прокурора С.-Петербургской судебной палаты (впоследствии министра юстиции) Н. В. Муравьева и передал Александру III его записку о необходимости созыва земского собора как средства ликвидации революционного движения. В записке Муравьев пытался доказать, что созыв собора приведет в полнейшее расстройство все революционные силы и заставит их сложить оружие. Однако и эта записка не оказала на царя никакого влияния. На первом листе ее имеется весьма красноречивая надпись Александра III: «Жалкая иллюзия!» (ЦГИАМ, ф. 730, д. 1530, лл. 1—15).

⁴³ «Московские ведомости», № 130, 12 мая 1882 г.

⁴⁴ ЦГИАМ, ф. 730, д. 161, л. 39.

⁴⁵ «Письма Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 385.

возвысить характер торжества»⁴⁶, но этому помешала печать, искажив его истинные намерения. «В длинном объяснении,— пишет Феоктистов,— граф Николай Павлович заботился только о том, чтобы выпутаться из неприятной для него истории, но это положительно ему не удалось. Государь дважды прерывал его словами «Это не так», «Это неправда»⁴⁷.

Затем, по настоянию Победоносцева, царь, вынув из своего стола проект манифеста и рескрипта на имя министра внутренних дел, предложил их автору прочесть эти документы. После этого все присутствовавшие начали выступать против этих проектов. Особенно резким было выступление Островского. Затем Игнатьев в весьма пространным слове пытался доказывать, что созыв земского собора — единственно правильная мера, долженствующая внести успокоение. «Государь,— вспоминал он,— с неудовольствием и в раздраженном тоне перебил меня и сказал, что доверие его ко мне было полное и неограниченное до моего возбуждения вопроса о земском соборе, который я преследую с непонятною настойчивостью... его величество положительно заявляет, что согласия своего на созыв собора он не дает». В заключение царь, правда в безличной форме, сказал, что кто из министров не согласен с разработанной программой, «тот должен, очевидно, оставить свой пост»⁴⁸. Таким образом, на совещании был не только решен вопрос о соборе, но и предreshена отставка Игнатьева. Уже 30 мая министром внутренних дел был назначен граф Д. А. Толстой.

* * *

Было бы неправильно представлять, что провал затей Игнатьева с созывом земского собора оказал существенное влияние на изменение внутривластического курса правительства. Этот курс достаточно ясно определился уже в результате издания манифеста 29 апреля 1881 г. Министерство Игнатьева, объективно прикрывавшее собою переход к политике открытой реакции, не могло существовать долго. Провал затей с созывом земского собора лишь несколько ускорил падение этого Министерства, имевшего временный, переходный характер. Идея созыва земского собора в аксаковско-игнатьевском духе была весьма реакционна. Она ставила своей задачей укрепление самодержавия путем демагогического трюка, долженствовавшего знаменовать собою «единение царя с народом». Однако объективно, независимо от воли его организаторов, земский собор даже в таком ублюдочном виде мог бы, при известных условиях, привести к иным результатам. Не нужно забывать того, что в 1882 г. положение в стране было далеко не спокойным. Крестьянские волнения происходили в 12 губерниях и по сравнению с предшествующими годами усилились. Партия «Народной воли» не была окончательно разгромлена и периферийные кружки ее продолжали еще свою деятельность. В этих условиях созыв земского собора мог привести к результатам, нежелательным для правительства. Вот почему такие непреклонные и вместе с тем умные сторонники самодержавия, как Победоносцев, решительно выступали против созыва земского собора. Отставка Игнатьева и назначение на пост министра внутренних дел Д. А. Толстого знаменовали собою переход правительства к открытой реакции.

⁴⁶ Е. М. Феоктистов. Указ. соч., стр. 209

⁴⁷ Там же, стр. 210.

⁴⁸ ЦГИАМ, ф. 730, д. 161, л. 74.

